

Л.Н. Беленчук

Е.Н. Никулина

Ключевые слова:

К.Д. Ушинский, педагогическая антропология, личность, анатомия, психология, физиология, цель воспитания, природосообразность воспитания.

РАЗВИТИЕ К.Д. УШИНСКИМИ ИДЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье анализируется взгляд великого русского педагога на человека, а также рассматривается тема взаимосвязи «ядра» личности и способов воспитания в работах К.Д.Ушинского. Дается оценка идей нравственного, трудового, народного воспитания в тесной связи со становлением личности в ее целостности и единстве. Основным материалом Ушинского являлись современные ему западноевропейские (в основном немецкие) психологические и педагогические теории и концепции, а мировоззренческим фундаментом размышлений – православно-христианские представления о цели бытия и совершенствовании человеческой личности.

К.Д. Ушинский – первый русский педагог, который не только очертил контуры необходимого для педагогики антропологического знания, но и привел его в систему, названную им «Педагогическая антропология». Известно, что важнейший труд всей жизни имел аналогичное название.

Методология, использованная Ушинским при создании «Педагогической антропологии», как отмечал С.Ф. Егоров, может быть названа фактической, поскольку педагог принимал за основу своих рассуждений педагогическое явление как научно доказуемый факт, не зависимо от того, в рамках какой метафизи-

ческой системы он был описан. «За исходную позицию здесь принималась не философия, не какая-либо сопредельная педагогике отдельная наука, а сами факты с последующей их систематизацией по присущим им общим основаниям и внутренним взаимосвязям» [2; с.76, 82]. Об этом свидетельствует и сам Ушинский: «Мы отовсюду брали, что нам казалось верным и ясным, никогда не стесняясь тем, какое имя носит источник, и хорошо ли он звучит в ушах той или другой из современных метафизических партий» [17, т.8, с.45]. «Мы шли везде за фактами и насколько вели нас факты: где факты переставали говорить, там мы ставили гипотезу – и останавливались, никогда не употребляя гипотезу, как признанный факт» [там же, с. 46]. Вторым основополагающим методологическим принципом для Ушинского было самонаблюдение, «основывающееся на врожденной человеку способности сознавать и помнить свои душевные состояния» [там же, с. 272]. Этот принцип педагог называл свидетельством «паче всего мира» [там же, с. 44-45]. Таким образом – сочетание теории и практики, науки и жизни стало основой размышлений ученого.

Круг антропологических наук Ушинский обрисовал очень широко: анатомия и физиология человека, психология, логика, филология, география, изучающая землю как жилище человека и человека как жильца земного шара, статистика, политическая экономия и история в обширном смысле, куда мы относим историю религии, цивилизации, философских систем, литератур, искусств и собственно воспитания в тесном смысле этого слова [17, т.8, с.22]. Такую широту сам педагог поясняет так: «Придавая большое значение воспитанию в жизни человека, мы тем не менее ясно сознаем, что пределы воспитательной деятельности уже даны в условиях душевной и телесной природы человека и в условиях мира, среди которого человеку суждено жить. Кроме того, мы ясно сознаем, что воспитание в тесном смысле этого слова как преднамеренная воспитательная деятельность, – школа, воспитатель и наставники *ex officio* – вовсе не единственные воспитатели человека и что столь же сильными, а может быть, и гораздо сильнейшими воспитателями его являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ, его религия и его язык, словом, природа и история в обширнейшем смысле этих обширных понятий. Однако же и в самих этих влияниях, неотразимых для дитяти и человека совершенно неразвитого, многое изменяется самим же человеком в его последовательном развитии, и эти изменения выходят из предварительных изменений в его собственной душе, на вызов, развитие или задержку которых преднамеренное воспитание, словом, школа со своим учением и своими порядками

ми, может оказывать прямое и сильное действие» [там же, с.18].

Во всех этих науках излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т. е. человека. При этом целый ряд из этих областей знаний прочно вошел в качестве составной части в педагогическую сферу (анатомия и физиология, психология, логика, история воспитания), другие же остаются за пределами внимания педагогов, лишь изредка дополняя и расширяя собственно педагогическую область (экономика, литература и искусство, например). Религия как основа собственно всякой культуры, а значит и образования, у нас почти не изучалась, будучи объектом внимания исключительно представителей богословских наук. К сожалению, работ по этой теме практически не встречается.

Сам Константин Дмитриевич полагал, что полдела – это определить цель воспитания: «Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить – храм ли, посвященный Богу Истины, Любви и Правды, просто ли дом, в котором жилось бы уютно, красивые ли, но бесполезные торжественные ворота, на которые заглядывались бы проезжающие, раззолоченную ли гостиницу для обирания нерасчетливых путешественников, кухню ли для переварки съестных припасов, музей ли для хранения редкостей или, наконец, сарай для складки туда всякого, никому уже в жизни не нужного хлама? То же самое должны вы сказать и о воспитателе, который не сумеет ясно и точно определить вам цели своей воспитательной деятельности. Конечно, мы не можем сравнить мертвых материалов, над которыми работает архитектор, с тем живым и организованным уже материалом, над которым работает воспитатель» [там же].

Как же изучить это «живой и организованный материал», с чего начать? Один из источников размышлений педагога – это исследования в сфере антропологии. Педагог отдает предпочтение именно этой области знания как синтезу физиологии и психологии, раздельное изучение которых для педагогики малопродуктивно. Видя необходимость исходить при воспитании из личности человека, Ушинский скептически относится к принципу природосообразности воспитания, но не вообще, а к такому, какое сложилось в педагогической науке, указывая на его неопределенность и недостаточность. Он ставит глубокий вопрос о том, какой разной может быть человеческая природа, и – об идеальном человеке.

«Из этой неопределенности не выходит воспитание и тогда, когда говорит, что хочет воспитывать человека сообразно его природе. Где же мы

найдем эту нормальную человеческую природу, сообразно которой хотим воспитывать дитя? Руссо, определивший воспитание именно таким образом, видел эту природу в дикарях, и притом в дикарях, созданных его фантазией, потому что если бы он поселился между настоящими дикарями, с их грязными и свирепыми страстями, с их темными и часто кровавыми суевериями, с их глупостью и недоверчивостью, то первый бежал бы от этих "детей природы" и нашел бы тогда, вероятно, что в Женеве, встретившей философа камнями, все же люди ближе к природе, чем на островах Фиджи» [там же, с.20].

Остроумно замечание педагога о том, что «люди, подающие нам воспитательные советы и начертывающие воспитательные идеалы или для своих воспитанников, или для своей родины, или вообще для всего человечества, втайне срисовывают эти идеалы с самих себя» [там же, с.25]. Человек, таким образом, как мера и цель воспитания не подходит, т.к. люди все разные и идеалы у них также разные.

Поэтому высшую цель воспитания К.Д. Ушинский связывал с христианским идеалом человека, который имеет вселенскую природу, обнимая собою все человечество: «Все, чем человек, как человек, может и должен быть, выражено вполне в Божественном учении, и воспитанию остается только прежде всего и в основу всего вкоренить вечные истины христианства. Оно дает жизнь и указывает высшую цель всякому воспитанию» [9, с.163].

Основой структуры «Педагогической антропологии» стала христианская трактовка человеческой природы как трехсоставной (тело, душа и дух): «Мы будем иметь в нашей антропологии три главные отдела: отдел первый, посвященный явлениям телесного организма, мы уже окончили; ко второму отделу, посвященному душевным явлениям, приступаем теперь; а третьим отделом, отделом явлений духовных, закончим нашу психологию» [17, т.8, с. 283]. К душевным явлениям Ушинский относил психические явления, свойственные и человеку, и животным, к духовным – свойственные только человеку – дар идеи, дар слова, веру, эстетические, нравственные представления и др. [там же, с. 283, 458-459, 638].

Главную задачу воспитания педагог формулировал применительно к душевной жизни человека – «дать ей вечную, по возможности, полную, широкую, поглощающую ее деятельность. Дать труд человеку, труд душевный, свободный, наполняющий душу, и дать средства к выполнению этого труда — вот полное определение цели педагогической деятельности» [7, с. 573–574]. Отметим, насколько сегодняшние попытки сформулировать задачи образования в контексте прагматики и их приспособленности к «об-

ществу потребления» выглядят мелкими и недостойными человека!

Труд у Ушинского вообще занимает главное и почетное место в человеческой жизни, а значит, и в воспитании. Однако не всякий. В известной статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» педагог пишет: «Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианской нравственностью деятельность человека, на которую он решается по безусловной необходимости ее для достижения той или другой истинно-человеческой цели в жизни» [16, с.338]. В «Педагогической антропологии» Ушинский еще более конкретизирует понятие труда, утверждая прямую вредность монотонной, нетворческой умственной работы для человека: «ничто так не мешает развитию человека, как такая работа, которая сама не давая достаточной пищи уму, в то же время не допускает в нем другой деятельности, каковы, например, переписка, изучение вокабул, пустые счета одного и того же и т.п.» [17, т.9, с.321]. Физический труд не так отрывает человека от мышления, как подобная работа. Мысль ученого становится в наше время все более актуальной, т. к. «цивилизованное» человечество все активнее занимается именно такой работой.

Из антропологических наук Ушинский придавал большое значение психологии, называя ее изучение «краеугольным камнем педагогики» [17, т.8, с.277], но в тесной связи с физиологией, поскольку «главная деятельность воспитания совершается в области психических и психофизических явлений» [там же, с.46].

Признавая достижения научно-технического прогресса, Ушинский все же подчеркивает, что главным результатом является не прогресс науки и техники, а совершенствование, прогресс человеческой личности: «Но конечно, важнее и полезнее всех этих открытий и изобретений, часто не делающих человека ни на волос счастливее прежнего, потому что он внутри самого себя носит многочисленные причины несчастья, было бы открытие средств к образованию в человеке такого характера, который противостоял бы напору всех случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного, растлевающего влияния и давал бы ему возможность извлекать отовсюду только хорошие результаты» [там же; с.27]. Это полностью созвучно идее Пирогова, высказанной в «Вопросах жизни», о необходимости воспитания личности, способной к внутренней борьбе.

Такая постановка вопроса отнюдь не означает косности автора: Ушинский охотно признает все новейшие научные достижения, когда они идут на пользу развитию человека. Так, одним из первых в России он восторженно отозвался о теории Дарвина: «Учение Дарвина ... есть, по наше-

му суждению, не только такое учение, которое придает живой смысл всему естествознанию и может сделать его самым могучим образовательным предметом для детства и юности, но и заключает в себе глубокий нравственный смысл. Оно фактически показывает нам, что мы живем посреди великого процесса творчества и вечного совершенствования, двигателем которого является неведомая, но чувствуемая нами причина, перед которой и самый гордый ум склонится с благоговением» [17, т.9, с.378].

Как будто оппонируя современным адептам дарвинизма, Ушинский говорит о человеке, который противопоставлен всей остальной природе, т.к. его приспособление к жизни «идет не тем путем, каким шло и продолжает идти приспособление других растительных и животных организмов» [там же, с.381]. Отличие это заключается в том, что хотя в человеке и действует закон «органической наследственности» [там же], но она имеет значение только в отдельных характерах, и никакого – «в общем для человечества приспособлении к условиям жизни, которое передается... исторической преемственностью» [там же, с.382]. Т.е. человек может преодолеть неизбежность для всего остального мира законов естества, законов наследственности. «Историческая наследственность» выше естественной, биологической.

Еще одно отличие заключается в том, что если все живое необходимо стремится к жизни, то человек может «вооружиться против самого этого стремления», даже «умереть произвольно» [там же, с.383]. Громадная сила природы здесь уступает воле человека.

И, наконец, главное отличие личности человека в том, что в ней пробуждается антагонизм борьбе за существование, за выживание сильного. Возникает религия «слабых и угнетенных», «противоположная этому великому закону природы» [там же]. Таким образом, признавая выдающееся значение дарвинизма, Ушинский выделяет человеческий род из ряда законов, общих для всей природы, показывает его отдельность, его свободу, его несводимость к биологии.

Можно с уверенностью сказать, что предшественниками Ушинского в учении о личности были славянофилы 40-50-х гг. XIX в. Так, К.А. Дридгер указывает на следующие идеи славянофилов:

1) неприятие борьбы и соревнования людей между собой как основного принципа сосуществования;

2) соборность в противопоставлении индивидуализму, рационализму, эгоизму. Мораль общества в своих идеальных константах опирается на высшую нравственность, восходящую к Божественным установлениям [1, с.71].

К.Д. Ушинский в своей антропологии снимает противопоставление мате-

риального и идеального, биологического и надприродного: «Поверхностное суждение легко приводит или к идеалистическому, или к материалистическому взгляду на человека; но внимательное, беспристрастное наблюдение самих психических явлений везде указывает на двойственность нашей природы, на два взаимодействующих начала. Кроме того, мы можем уже теперь сказать с уверенностью, что не сознание составляет сущность души, а врожденное ей стремление к деятельности, к жизни, для которого и самое сознание служит только одним из средств. Конечно, мы знаем только то, что доступно сознанию, ибо знание есть плод сравнения и различения, т. е. деятельности сознания. Но эта деятельность сознания, обогатив нас познаниями как о деятельности нашей души, так и о явлениях внешней для нас физической природы, привела нас к необходимой гипотезе стремлений, которые предшествуют самой деятельности сознания.

...Душа со своим стремлением беспрестанно выходит из своего настоящего положения оказалась для нас прямым антагонистом материи, беспрестанно стремящейся пребывать в своем настоящем положении, будет ли то состояние покоя или состояние движения» [17, т.9, с. 551–552, 554].

Итак, идея и материя, душа и тело в их неразрывном единстве в противостоянии, составляющем личность.

В первом томе «Педагогической антропологии» Ушинский вводит два основных понятия воспитания – «организм» и «развитие». Понятие «организм» подразумевает целостный подход к человеку, восприятие его «как единого психофизиологического существа, в котором духовная и физическая стороны находятся в неразрывной связи и тесном взаимовлиянии» [3, с.517]. Понятие «развитие» обусловлено тем, что человек вообще (и ребенок в частности) представляет собой существо, «непрерывно изменяющееся по определенным имманентным законам» [там же]. Поэтому педагог подчеркивал, что возможности воспитания не безграничны: «Придавая большое значение воспитанию в жизни человека, мы, тем не менее, ясно сознаем, что пределы воспитательной деятельности уже даны в условиях душевной и телесной природы человека и в условиях мира, среди которого человеку суждено жить» [17, т.8, с.18].

Специфическая, характерная только для человека психическая жизнь начинается с момента облечения абстрактных понятий в слова. Кроме того, слово помогает не только работе сознания, но и формированию самосознания человека. С сознанием связан рассудок, стремящийся к уничтожению противоречий и являющийся поэтому «движущим принципом науки» [там же, с. 678–679]. С самосознанием Ушинский связывает разум, который в

силу «спокойного сознания» этих противоречий является основой практической деятельности, в том числе – основой искусства воспитания [там же].

Разум Ушинский относит к явлениям духовным: «Рассудок есть плод сознания; разум — плод самосознания; сознанием обладают и животные, но самосознанием обладает только человек. Вот почему анализ разума нам предстоит еще сделать тогда, когда мы будем заниматься духовными особенностями человека» [там же, т. 8; с.657]. С деятельностью разума, по мнению Ушинского, связана совесть, которую педагог относит также к явлениям духа [6, с.57–58].

В процессах сознания Ушинский различал такие компоненты, как внимание, память, воображение, мышление. Так, рассуждая о первой ступени познания – внимании и выделяя в процессах внимания произвольную и непроизвольную составляющие, Ушинский указывал на важность воспитания в человеке власти над своим вниманием, чем «мы не только открываем ему широкую дорогу к умственному развитию, но и даем могущественнейшее средство бороться со страстями и, несмотря на их влияние, идти дорогой здравого рассудка и добродетели» [17, т.8, с.319].

Второй том «Педагогической антропологии» содержит анализ двух важных составляющих души: чувствований и воли. Признавая принципиальную непознаваемость души в ее целостности, педагог считал возможным анализировать отдельные ее стороны. Чувствования – центральное звено психической жизни: «Мы ставим в центр душевных явлений не сознание, как гербартианцы, и не волю, как Шопенгауэр и его последователи, а чувство как первое проявление стремлений» [17, т.9, с.311]. Здесь надо отметить, что чувствования у Ушинского различаются с чувствами. Так, к чувствованиям он относит страдание, боль, радость и пр. Телесные, душевные и духовные стремления у человека – врожденные и «вместе составляют одно общее, всеобнимающее собою стремление «быть и жить». Для тела важно — быть; для души же — жить» [там же, с.98]. Причем стремление жить, реализуемое в душевном стремлении к сознательной деятельности, как бы вступает в противоречие с телесными потребностями, потребляя непроизводительно для тела накопленные им силы. В этом педагог видит «великое нравственное указание», позволяющее сделать ему важный философско-педагогический вывод: «человек не для того живет, чтобы существовать, но для того существует, чтобы жить» [там же, с.304]. Стремление к «бытию индивидуальному, общественному и потомственному» [там же, с.380] – вот цель человека.

Еще один важный вывод Ушинского, вытекающий из его антропологии,

– о «консерватизме души». Ученый объясняет, почему новое так трудно входит в сознание человека. Новую идею мало передумать, ее надо пережить в тысяче и тысяче опытов. «Утописты, мечтающие о быстрой реформе рода человеческого не знают истории человеческой души; но эти самые утописты необходимы: только их пламенным рвением движется этот медленный процесс, и новая идея хотя медленно и трудно, но все же входит в характер человека и человечества» [там же, с. 423–424].

Из концепции чувствований как основного элемента души, Ушинский делает важный педагогический вывод о невозможности воспитания как образования ума, «ибо человек более человек в том, как он чувствует, чем в том, как он думает. Чувствования, как мы видели, а не мысли, составляют средоточие психической жизни, и в их-то образовании должен видеть воспитатель свою главную цель» [там же, с. 473]. Развитие чувств теснейшим образом связано с областью воли. Проявления воли Ушинский рассматривал 1) как власть души над телом, 2) как желание и 3) как противоположность неволе (как стремление к свободе) [там же, с.392].

С волевой сферой связано понятие характера. Характер, по мнению Ушинского, нейтрален в нравственном и умственном отношении, это лишь форма проявления воли и чувств: «У человека очень образованного может быть характер весьма ничтожный, и у человека весьма необразованного — характер весьма сильный» [там же, с.434]. Факторы, способствующие образованию характера – врожденный темперамент, впечатления и главное – практическая жизнь ребенка, в которой активно проявляются его воля и чувства. «Для того, чтобы накопить обильный материал для сильного характера, нужно как можно более чувствовать, желать и действовать, т. е., другими словами, жить практически.... а этому часто препятствуют старшие своим вмешательством в воспитание дитяти: или запирая ребенка на целый день в школу, или мешая ему чувствовать и желать, словом, жить практически теми же беспрестанными моральными сентенциями и всякого рода стеснениями. Вот почему... самые бесхарактерные люди выходят из тех семейств, где родители и воспитатели, не понимая свойств души человеческой, беспрестанно вмешиваются в жизнь ребенка и не дают ему свободно ни чувствовать, ни желать» [там же, с.467].

Но ошибочно было бы считать, что Ушинский был сторонником вседозволенности и потаканию любому желанию ребенка. Педагог считал, что, предоставляя свободу для развития характера ребенка, нужно в то же время дать ему деятельность, поскольку «свобода, освобожденная от деятельности, губит нравственного человека. В самостоятельной, излюбленной де-

тельности только человек выучивается обходиться с элементом свободы, столь же необходимым, как огонь, и столь же опасным, как он... В этих-то бесчисленных опытах развиваются и крепнут воля, стремление к свободе, умение пользоваться ею и необходимая для этого сила характера» [там же, с. 484]. Стремление к свободе обнаруживается в человеке еще в младенчестве. По мнению Ушинского, это стремление находится в теснейшей связи со стремлением души к сознательной деятельности. Когда стремление к свободе отделяется от стремления к деятельности, возникает упрямство, перерастающее в своеволие как склонность и деспотизм как страсть.

Преждевременная смерть педагога оставила незаконченным 3-й последний том «Педагогической антропологии», материалы к которому преимущественно посвящены педагогическому применению законов физиологической и психологической деятельности, рассмотренных в первых двух томах.

Одним из основополагающих принципов в выстраивании антропологически целесообразной модели педагогического взаимодействия для Ушинского является психологический такт, который складывается «из воспоминаний психических явлений, в нас совершавшихся» [17, т.8, с.275], т.е. требовал от педагога навыка самонаблюдения, понимания и анализа своих собственных душевных явлений. Психологический такт, по мнению Ушинского, необходим всем тем лицам, которые так или иначе думают действовать на душу других людей (литератору, поэту, оратору, актеру, политику, проповеднику), в том числе и педагогу. Педагогический такт для Ушинского – синоним психологического такта [там же, с.46–47].

Вместе с тем К.Д. Ушинский настаивал на том, что одних психологических способностей к педагогической деятельности недостаточно; педагогу необходимо обладать и ясным теоретическим знанием. «Не понимая вообще образования и жизни страстей в душе человеческой, не понимая психического основания данной страсти и ее отношения к другим, практик-педагог мало может извлечь пользы из этих педагогических рецептов, не понимая ясно ни оснований болезни, ни состава лекарства, хотя оно в сущности может быть и очень хорошо» [7, с.477]. Рассуждения Ушинского о соотношении психологического такта и теоретических знаний тесно связано с его пониманием педагогики одновременно как науки и как искусства [17, т.8, с.12].

Второй важный аспект трактовки Ушинским антропологически обусловленных принципов педагогического взаимодействия связан со значением личности учителя: «Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить

личности в деле воспитания» [15, с.63–64]. Понятие личности в антропологии Ушинского раскрыто подробно [4]. Термин «личность» употребляется педагогом синонимично понятиям «лицо» и «я» [6, с.57; 7, с.559]. Категория личности рассматривалась Ушинским в теснейшей связи с трехчастной природой человека: тело, душа и дух.

Ближайшим определением личности педагог считал указание на ее исключительность [6, с.53; 8, с.166]. Личность проявляет себя через волю (свободную по самому смыслу этого понятия) и чувства (к которым педагог относит также деятельность сознания и самосознания) [17, т. 9, с. 476, 255–256, 479]. Проявлением личности является и характер [там же, т.8, с. 584], формирование которого Ушинский относил к области воли. В рассуждениях о воле и ее действии в человеке Ушинский вплотную подошел к различению двух воль — природной и принадлежащей личности [там же, т.9, с.450]. В то же время он обосновывает важность проявления личности через чувства, что послужило причиной характеристики теории личности Ушинского как духовно-эмоциональной [5, с.88–89].

Понятие целостности личности упоминается педагогом преимущественно в нравственном аспекте как отсутствие раздвоенности в душе и убеждениях [11, с.19–20; 10, с.440, 475, 479–481].

Ушинский рассматривал личность не только в ее исключительности, но и в ее отношении с другими людьми и обществом в целом. Педагог раскрыл связь понятия личности с правовыми категориями, что свидетельствует не только о юридических истоках понятия личности, но и о том, что некоторые из этих категорий, например, идея равноправия, сами имеют истоком личность и ее проявления [7, с.599; 12, с.26–27]. Ушинский показал широту воспитательного влияния личности, которое может простираться как на целые общества, так и на личность отдельного человека любого возраста и социального положения [15, с.63–64; 13, с. 523; 17, т.8, с. 232; 12, с. 49].

Таким образом, вопросы педагогического взаимодействия учителя и ученика получили у Ушинского глубокое антропологическое обоснование. Ушинский рассматривал учебный процесс как синергию учителя и ученика. Признавая центральное место межличностного общения в воспитательном процессе, Ушинский показал, какие качества должны быть присущи личности педагога (психологический такт, умение владеть собой, знание природы человека).

Для русского народа исторической национальной основой воспитания является православие, обращение к идеалам которого Ушинский считал обязательным для каждого серьезного ученого-педагога: «Истинная, до-

бросовестная наука, каковы бы даже ни были личные верования самого ученого, не только найдет возможность построить народное образование на прочной основе нашей народной религии, но, как величайшим сокровищем, как неисчерпаемым и уже существующим источником нравственного и умственного развития, будет дорожить этой исторической основой, столько же христианской, человечественной и художественной, сколько и народной» [14, с.486–487]. Заимствование же педагогического опыта других стран и народов, по мнению Ушинского, вполне возможно, но только при сохранении собственных традиций воспитания, и чем они прочнее, тем свободнее русский народ может «заимствовать все, что ему угодно, у других народов» [9, с. 144].

Литература

1. Дриджер К.А. Проблема народности воспитания в России первой половины XIX века: официальная и славянофильская позиции // Педагогика. – 2008. – № 2. – С. 70–74.
2. Егоров С.Ф. Методологические идеи К.Д. Ушинского в процессе обретения педагогикой статуса науки // Педагогика. – 1999. – №6. – С. 75–83.
3. Никольская А.А. Комментарии к первому тому «Педагогической антропологии» К.Д. Ушинского // Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т./ Сост. С.Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1988–1990. – Т. 5. – С.515–524.
4. Никулина Е.Н. Понятие личности в педагогическом наследии К.Д. Ушинского // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. – 2011. – Вып. 4(23). – С. 73–103.
5. Утлик Э. П. Психология личности.– М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 320 с.
6. Ушинский К.Д. Лекции в Ярославском лицее // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 1. – С. 5–120.
7. Ушинский К.Д. Материалы к 3-му тому «Педагогической антропологии». Сжатый учебник педагогики // Ушинский К.Д. Собр.соч. В 11 т. / Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 10. – С. 364–622.
8. Ушинский К.Д. О камеральном образовании // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 1. – С.121–252.
9. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании //

Развитие К.Д. Ушинским идей педагогической антропологии |

Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т.2. – С. 69–166.

10. *Ушинский К. Д.* О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т. Т.2.

11. *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения Пирогова // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т.3. – С.11–86.

12. *Ушинский К.Д.* Программы педагогического курса женских учебных заведений // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 10. – С. 19–50.

13. Ушинский К. Д. Проект учительской семинарии // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 2. – С. 515–553.

14. *Ушинский К.Д.* Родное слово. Книга для учащихся // Ушинский К.Д. Собр.соч.В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. — М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т.6. – С.237–336.

15. *Ушинский К. Д.* Три элемента школы // Ушинский К.Д. Собр.соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. – Т. 2. – С. 42–68

16. *Ушинский К.Д.* Труд в его психическом и воспитательном значении // Ушинский К.Д. Собр.соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. –Т. 2. – С. 333–361

17. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11 т./ Сост. В.Я. Струминский. – М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1948–1952. — Т.8–9.